

7.1. Понятие знания. Знание и информация

Исходным в гносеологии (теории познания) является понятие знания. Еще древние греки различали понятия знания и мнения. Мнения – это внешние, поверхностные, субъективные представления людей, сочетающие в себе случайные и произвольные свойства предметов и явлений. Знание же должно отвечать критериям объективности, достоверности, необходимости и общезначимости.

Чтобы определить какое-либо понятие, его нужно подвести под другое, более общее понятие. Для знания таким более широким понятием будет «опыт». **Опыт** – это нечто, пережитое человеком и обществом (индивидуальный и общественный опыт). Однако далеко не всякое содержание опыта есть **знание**, а **только то**, которое можно **передать посредством языка**.

Бывают естественные и искусственные языки. Язык – это знаковая система. Но там, где есть знак, есть и **значение** – то, что представляет ценность для человека. Знание – это положительная или отрицательная ценность. Не всякое знание есть благо и польза для человека и общества. Одно дело – читать Библию, «Войну и мир» Л.Н. Толстого и совсем другое – книги по оккультизму.

Если знак воспринимается чувственно, то значение, заключающее в себе смысл того или иного предмета и явления, требует понимания. **Понимание** – это истолкование значения, заключенного в знаке. Мы понимаем при помощи ума. **Ум**, как способность понимания, обладает **количественной стороной и качественной**. Количественная сторона ума отражает его операциональную способность, т.е. умение решать задачи. Ум, рассмотренный под таким углом зрения, тождествен **интеллекту**.

Качественную сторону ума составляет его индивидуально-личностная окрашенность, своеобразие и уникальность. Ум каждого человека специфичен. Один человек прекрасно мыслит образами, другой – хорошо решает математические задачи, третий – легко ориентируется на местности и т.д. Качественная сторона ума наиболее полно выражается в понятии мудрости. **Мудрость**, по определению Ф. Искандера, есть ум, настоянный на совести. Совесть предполагает сознание человеком своего некоего несовершенства, в том числе и в сфере познания. **Мудрость – это ум, осознающий свои границы.** Заявление Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю» – есть высшее свидетельство его мудрости. Настоящая мудрость не приемлет гордыни, ум же без мудрости высокомерен, притязает на всезнание и... служит источником ложных решений или, как говорят в народе, глупостей.

Знание и информация относятся друг к другу как пересекающиеся понятия. Не всякое знание – информация, и не всякая информация – знание. **Информация** – это способ существования и средство, активизирующее деятельность сложных динамических систем (кибернетических систем), обладающих способностью саморегуляции и самоуправления. Кибернетическими системами являются растения, животные, некоторые машины и человек. Но человек есть нечто неизмеримо большее, чем кибернетическая система. Для восприятия, переработки и использования информации не обязательно наличие сознания и тем более ума. Знание же есть содержание человеческого сознания.

Однако и не всякое знание есть информация. **Информация – это отраженное разнообразие** или, иначе говоря, новость, которая вынуждает кибернетическую систему к саморегуляции. Заяц, увидевший волка, бежит от него. Цветок под воздействием солнечного света распускается. Холодильник при достижении определенной температуры автоматически отключается, а затем вновь включается с повышением температуры. Информация часто неотделима от определенного материального носителя, знание же всегда идеально.

7.2. Познание как процесс

Познание – это процесс приобретения знаний. Если в процессе познания происходит передача общественного опыта в индивидуальный опыт, то такое познание есть **обучение**. Познание, в результате которого продуцируется качественно новое знание, может быть охарактеризовано как **творчество** (научное, художественное, философское и т.д.). В данном случае познание тождественно **открытию новых знаний**.

Познание – процесс очень сложный и до конца не изученный ни наукой, ни философией.

Для ответа на вопрос о том, **как** человек **познает**, необходимо осмыслить ряд других вопросов. Прежде всего необходимо определиться в терминах, которые широко употребляются в психологии. К ним в первую очередь относятся понятия **психики, сознания и души**. Первые два понятия составляют основной аппарат современной научной психологии и соотносятся как целое с частью. **Психика** – широкое понятие, оно обозначает всю совокупность процессов, состояний и функций, протекающих во внутреннем мире человека. Кроме того, мы должны констатировать, что психика имеется и у животных, особенно развита она у млекопитающих.

Сознание – это феномен сугубо человеческий. Оно составляет часть психики, в которую входят также сферы **подсознательного** и **бессознательного**. **Сознание** (со-знание) – это сфера **активного и осмысленного оперирования знаниями**. Сознания нет без знания, но его деятельность не сводится только к познанию, ибо ему присущи и другие функции: переживание, оценка, волевые акты.

Научная психология XIX–XX вв. утверждала, что психика и сознание могут быть поняты сугубо позитивным способом. Она добилась определенных успехов в описании и объяснении отдельных феноменов психики и сознания: мышления, памяти, восприятия, эмоций и т.д. Однако позитивный, т.е. научный способ познания, основанный на эмпирических методах исследования, зашел в тупик, потому что потерял главное – **целост-**

ность психики и сознания. В этом контексте в современной психологии намечается тенденция к реабилитации понятия *души*, которая мыслится, во-первых, именно как **целостный** феномен, во-вторых, само познание **индивидуализируется**, поскольку душа каждого человека уникальна и неповторима, в-третьих, предполагается, что познание имеет **метафизический**, сверхчувственный компонент, который требует иных, чем научные, способов постижения.

Психофизиологическая проблема. Начиная исследование познания, вполне естественно попытаться найти орган, отвечающий за него. Нет сомнения, что существует связь между сознанием, познанием, с одной стороны, и деятельностью мозга и нейрофизиологическими процессами в организме человека – с другой. Многочисленные исследования психологов и нейрофизиологов дают тому подтверждение. Так, в середине XIX в. французский хирург Поль Брока обнаружил, что при повреждении одного из участков левого полушария коры головного мозга происходят нарушения функции речи. Исследования Брока, его предшественников и последователей шли в контексте трактовки **психики как функции мозга**. У исследователей, принадлежащих к этому направлению, был и еще остается соблазн локализовать в тех или иных частях мозга конкретные функции психики.

Однако этот подход серьезно упрощает психофизиологическую проблему. Имеется много фактов, свидетельствующих о более сложном характере взаимодействия психики и мозга. К примеру, в случае поражения отдельных нейронов или участков головного мозга, влекущего нарушения конкретных психических функций, последние со временем восстанавливаются благодаря тому, что другие нейроны и участки коры головного мозга замещают деятельность поврежденных аналогов. «Особенно убедительный пример гибкости нервной системы и способности организовываться для осуществления нормальной деятельности человека представляют собой дети, которые рождаются без одного полушария мозга или мозговая ткань которых сильно повреждается после рождения из-за возросшего внутричерепного давления (гидроцефалы). Несмотря на значительные ана-

томические дефекты, развитие ребенка в благоприятных условиях может быть почти нормальным. Например, у нескольких английских детей-гидроцефалов обнаружили почти полное отсутствие мозговой ткани, вес мозга, определенный с помощью компьютерной томографии, составлял 50–150 г. (у нормального взрослого – около 1400 г.). Сегодня это взрослые люди, некоторые из которых даже учатся в университете»³².

Американский ученый С. Гроф, говоря об опыте внетелесного состояния, многократно описанного в танатологии, приводит в качестве примера людей с врожденной слепотой, которые в состоянии клинической смерти воспринимают зрительную информацию о помещении, в котором находятся. На основании этих и других данных С. Гроф делает вывод, что необходимо отказаться от устаревших, по его мнению, представлений о том, что сознание есть продукт деятельности мозга. Сознание, считает он, апеллирует через мозг, но оно не возникает в мозгу. Упорная приверженность научной психологии к прежним стереотипам связана, по С. Грофу, с тем обстоятельством, что понятие психической нормы выводилось на основе наблюдений над человеком в его обыденном состоянии. Однако имеется множество других состояний сознания (С. Гроф называет их «измененными»), которые невозможно понять и объяснить с точки зрения традиционной научной психологии. Помимо описанных выше видений людей, переживших клиническую смерть, американский ученый имеет в виду визионерский опыт экстрасенсов и шаманов, духовные откровения великих пророков и святых Церкви, основателей религиозных учений. Добавим от себя, что в этот список можно включить вообще всех чрезвычайно одаренных людей, сосредоточенно работающих в разных сферах творчества. Разве можно высшие проявления человеческого сознания редуцировать к деятельности мозга? В этом плане мы целиком разделяем пафос американского ученого, пытающегося преодолеть ограниченность материалистического мировоззрения в психологической науке.

---

³² Ярвилехто Т. Мозг и психика. – М., 1992. – С. 144–145.

В этом контексте становится понятным достаточно длительное существование в философии и духовно ориентированной психологии гипотезы о **психофизическом параллелизме**, т.е. фактической независимости мозга и психики, нейрофизиологической деятельности и сознания друг от друга. Однако и этот подход, с нашей точки зрения, является односторонним и не отражает всего многообразия взаимосвязи и взаимоотношений мозга и психики, души и тела. Согласитесь, что если бы не было связи между душой и телом, то научные открытия делали бы или художественные ценности создавали бы совершенно случайные люди. Между тем мы хорошо знаем, что любое творчество есть мучительный процесс, совершающийся в живом духовно-душевно-телесном существе, человеке.

Ж. Маритен в своей статье «Декарт, или ангел во плоти» убедительно показал, что точка зрения психофизического параллелизма, на которой стоял основатель классического европейского рационализма, уподобляет человеческое познание познанию ангельскому, т.е. интеллектуальной деятельности бесплотных существ. «Стоит взглянуть на три основные отличительные черты познания, свойственного бесплотным духам: оно *интуитивно* по способу, *врожденно* по происхождению, *не зависит от вещей* по природе – и мы увидим, что те же три черты (конечно, транспонированные, но оттого не менее коренные и явные) Декарт приписал и человеческому познанию»³³. «Итак, замыкание человеческого духа на самом себе, независимость разума от чувственного истока наших идей, от объекта, служащего правилом для нашего познания, от реальных природ – непосредственной цели нашего умопостижения, – абсолютный интеллектуализм, математизм, идеализм и, наконец, безысходный разрыв интеллекта и бытия – вот каким образом Декарт представил Мысль себе самой»³⁴.

Итак, можно констатировать, что обе рассмотренные выше концепции решения психофизической проблемы страдают одно-

---

³³ Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. – М., 2004. – С. 205.

³⁴ Там же. – С. 220.

сторонностью и не могут быть положены в основу безоговорочно правильного и конструктивного пути исследования. В этой связи можно сформулировать парадокс, касающийся «органа» познания: тезис – психика зависит от деятельности мозга; антитезис – психика не зависит от деятельности мозга. Каким же образом этот парадокс может быть разрешен? Мы склонны согласиться с выводом современного финского ученого Т. Ярвилехто: «Интеллект или способность к творчеству также мало находится в мозгу, как умение ходить – в ногах. Не ноги мои идут, а я. Не мозг мой или его полушария думают, а я»³⁵. Значит, нельзя понять феномен психики, сознания и познания, изучая только мозг человека. Мыслит и познает не мозг, а человек, целостное существо. **Наличие мозга – необходимое, но не достаточное условие** для появления человеческой психики, деятельности сознания и познания человеком мира.

Кроме того, есть предположения, что мозг человека работает в одних случаях как передатчик информации и знаний, в других же – как приемник идей и смыслов. Многочисленные примеры, свидетельствующие о независимости психики или сознания от деятельности мозга, можно считать косвенным доказательством существования души, которая, тем не менее, неотделима от тела, пока жив человек. Следовательно, человеческое познание и надо рассматривать применительно к нему как целостному существу. «Психические свойства и действия нельзя объяснить анатомическими или физиологическими свойствами мозга. Сознательную деятельность человека нельзя понять, изучая лишь психику отдельных лиц. Она формируется в процессе взаимодействия человека и социальной среды, являясь фактором, направляющим и организующим его поведение»³⁶.

Общественный характер познания. Эмпирически доказанным является факт невозможности возникновения сознания у человека вне общества. Красивая история Р. Киплинга о Маугли есть не более чем сказка. Одним из наиболее красноречи-

---

³⁵ Ярвилехто Т. Мозг и психика. – М., 1992. – С. 145.

³⁶ Там же. – С. 165.

вых примеров, свидетельствующих об общественной природе сознания и познания, является опыт работы Сергиево-Посадской школы-интерната для слепоглухих детей. Усилиями философа Э.В. Ильенкова и педагогов А.И. Мещерякова и И.А. Соколянского в 1960–1970-е годы здесь была разработана методика совместно-разделенной деятельности, благодаря которой дети, слепые и глухие с рождения или с младенчества, научались мыслить, говорить и действовать. Некоторые из выпускников этой школы добились выдающихся успехов: закончили психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, имеют ученые степени, владеют иностранными языками, пишут стихи и т.д. А между тем они так и остались незрячими и неслышащими людьми.

Суть упомянутой методики заключается в том, что дети, руководимые родителями или воспитателями, научались манипулировать с вещами, сначала очень простыми и обыденными: кружкой, ложкой и т.п. Многократно повторенные с педагогом простые операции не только закрепляли соответствующий навык деятельности, но и помогали усваивать предназначение (смысл) тех или иных предметов. Далее постепенно круг деятельности у слепоглухих детей все более и более расширялся, вследствие чего рос объем их эрудиции, развивались и совершенствовались мышление и речь. В итоге они приобретали способность к самостоятельному и творческому мышлению.

Каким бы интересным и обнадеживающим ни был опыт воспитания слепоглухих детей, его тоже нельзя абсолютизировать. Построенный на марксистской праксиологии, выводящей все человеческое познание из общественной практики, он все же не дает ответа на все вопросы, ибо не у всех воспитанников интерната наблюдаются блестящие результаты. Много зависит от того, слепы и глухи дети от рождения или с младенчества. Обычно у первых не происходит такого «чудесного» обретения мышления и речи, как бы ни старались их воспитатели. Следовательно, тут скрывается еще более глубокая тайна сознания и познания, и не обязательно эту тайну выискивать именно в ущербной физиологии человека.

Здесь мы формулируем еще один парадокс, касающийся теперь уже среды познания: тезис – сознание и познание невозможны вне общества, зависят от него; антитезис – сознание и познание не могут быть целиком и полностью зависимы от общества, так как тогда становится невозможным прогресс в познании. Данный парадокс, с нашей точки зрения, разрешается так. В деле становления сознания и познания ребенка, в особенности увечного, не только и не столько деятельность под руководством педагогов и родителей играет решающую роль, сколько лежащая в ее основе их безграничная **любовь** к ним и **вера** в них, которые поистине творят чудеса. Но подлинная любовь к ребенку есть только там, где она сочетается с предоставлением ему свободы и самостоятельности в делах и поступках. Только так формируется **личность** человека, которая и является подлинным субъектом познания и творчества. Но можно ли говорить о личности, не связывая ее с понятием души? Весьма продолжительный кризис научной психологии личности, отвергающей понятие души, склоняет нас к отрицательному ответу на данный вопрос.

Метафизический аспект познания. Несомненно, что в гносеологии существуют проблемы, скрывающие в себе тайны более высокого духовного порядка. Мы не имеем права игнорировать такого рода факторы, если не хотим вульгаризации в постижении тайны человеческого сознания и познания, что неизбежно при исключении из них метафизических и духовных аспектов. Реабилитация понятия души важна для философии вообще и гносеологии в частности по нескольким причинам. Во-первых, она помогает более точно в логическом смысле очертить сферу реальности, которая не совсем корректно обозначается словами «психика» и «сознание». Душа духовна, т.е. нематериальна по своему существу. Во-вторых, именно в силу этого она соприродна Божеству, Которое сугубо духовно. Приписывать сознанию или душе материальные свойства – это значит впадать в пантеизм, т.е. лишать и душу человека, и Бога личностного начала. Кроме того, это фактически означает неверие в бессмертие человека именно как личности. В-третьих,

благодаря понятию души возможен полноценный союз гносеологии с сотериологией, теории познания с учением о спасении. Это значит, что всякое познание неизбежно должно соединиться с определенными ценностными основаниями (духовными, нравственными, эстетическими). В противном случае знание может превратиться в страшную разрушительную силу, способную уничтожить человека и человечество.

Тем не менее зададимся вопросом: а можно ли о душе сказать что-либо определенное и конкретное, несмотря на то что она – явление метафизическое? Действительно, несмотря на то что душа непосредственно невидима ввиду ее сверхчувственной природы, о ней все же можно кое-что сказать с большой долей вероятности. Думается, что никто не сомневается в том, что существует совесть, которая является сугубо духовной по своей природе, да к тому же не имеет никакого материального физического органа, служащего ее вместилищем.

Таким образом, понятия психики и сознания являются либо слишком грубыми, либо не вполне точными для фиксации и описания тех состояний и переживаний, которые характеризуются как душевные. Более того, отметим для себя, что понятие души имеет многотысячелетнюю историю в культуре, в то время как понятия психики и сознания активно употребляются в науке и философии всего два-три столетия. Как отмечалось выше, несмотря на некоторые достижения в области изучения психики и сознания, наука так и не смогла добиться такой полноты и глубины постижения человека, как это было достигнуто в учениях, оперирующих понятием души. Во многих философских и религиозных учениях душа трактуется не только как некая целостность, образующая уникальную человеческую личность, но и как некая структура. Выделяют разумную, чувствующую и вожделеющую части души, которые у каждого отдельного человека имеют свое специфическое сочетание и свою приоритетность. Отсюда такое многообразие человеческих характеров и судеб.

Сейчас трудно отрицать тот факт, что значительная часть знаний и идей, которыми обладает человечество, а также драма

познания в целом имеют под собой трансцендентный источник. Знаменательно, что онтологическая катастрофа, произошедшая с человеком в результате первородного греха, связана именно с познанием: нарушением завета Бога не вкушать плоды с Древа *познания* добра и зла. В Ветхом Завете читаем: «Начало премудрости – страх Господень...» (Притчи 1:7); «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18); а в Новом Завете можно встретить такого рода высказывания: «Кто не любит, тот не познал Бога» (1 Ин. 4:8) и «но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8:3).

Метафизический аспект познания становится наиболее очевидным, когда речь идет об открытии новых знаний, о всяком творчестве. Здесь, как нигде, проявляется момент избранности, поскольку дар научных или иных открытий дается далеко не каждому. Подобно тому, как решающую роль в воспитании и обучении детей (в особенности увечных) играет **любовь** родителей и воспитателей, благодаря которой происходит чудо становления и развития свободной человеческой личности, так и здесь в избранности обнаруживается любовь Бога к конкретному человеку. Поскольку всякая избранность предполагает от-личение одного лица от другого лица, то, имея в виду метафизический аспект познания, мы должны констатировать, что в высших проявлениях человеческого познания имеет место глубокое общение между личностью человека и Богом как Личностью, суть которого и составляет любовь. В этой связи возникает вопрос: а кому, собственно, могут даваться такие дары, кто может оказаться в числе избранных? Умные, трудолюбивые, упорные, смелые, верующие люди? Разумеется, на эти вопросы нет исчерпывающих и однозначных ответов. Здесь возможны самые разнообразные гипотезы.

Смеем предположить, что это избранничество (любовь) проявляется в том, что человек несмотря ни на что выполняет свою главную жизненную задачу или предназначение. Вспомним, к примеру, случай с С.П. Королевым, которому грозила неминуемая гибель, поскольку, отпущенный на волю из колымского ГУЛАГа, он, обессилив, по дороге в Магадан стал за-

мерзать. Его спасла непонятно откуда взявшаяся булка свежеспеченного хлеба. Ему повезло и второй раз, когда он, дойдя до людей, тяжело заболел воспалением легких, благодаря чему не попал на последний пароход до Владивостока, который из-за сильного шторма затонул в море.

С нашей точки зрения, дары познания и творчества даются (а не берутся, к слову сказать) людям дерзновенным. В отличие от дерзкого человека, представляющего собой смесь гордыни и наглости, дерзновенный человек есть сочетание смирения и терпения с отвагой и смелостью. Если дерзкий человек требует к себе всяческого внимания и полагает, что он имеет полное право на всевозможные блага и почести, то дерзновенный человек терпеливо трудится из любви к делу, к которому прикипел всей душой. Его интересуют не награды и звания, а только сам процесс творчества и его результаты.

К этому следует добавить, что быть избранным в высоком смысле этого слова и заслужить особые дары в познании есть тяжелая ноша. Любовь божественная, идущая из иных миров, есть и большое испытание человеку. Оно дается только тем, кто способен его вынести и преодолеть. Бог любит каждого человека по-особенному, давая всем посильные дары.

Метафизический аспект познания тоже содержит в себе парадокс: тезис – субъектом познания является человеческая личность, ставящая перед собой дерзновенные задачи; антитезис – источник же знаний надличностен, знания даются свыше, а новые знания даются только избранным. Разрешается этот парадокс, по нашему мнению, так: все люди званы к пиру познания (все любимы Богом), но избранными становятся только те, чья любовь непосредственно к Богу или к своему делу оказывается настолько великой и безграничной, что Он не может не вознаградить за нее.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги в связи с нашими рассуждениями о том, **как** человек познает.

Необходимыми условиями познания являются наличие психики и сознания (или души). Немаловажное значение имеют деятельность коры головного мозга и нейрофизиологические

процессы в организме человека, которые находятся в сложном динамическом взаимодействии с психикой и сознанием.

Сознание и познание – атрибуты человека как социального существа. Вне общества, причем конкретного общества со своим культурным своеобразием и своим языком, нет человека как разумного существа, способного познавать мир.

Наконец еще раз подчеркнем, что в познании, вне всякого сомнения, присутствует метафизический, духовный момент, который невозможно постигнуть, игнорируя понятие души, соприродной Богу. По крайней мере, часть знаний в известном смысле дается свыше и далеко не каждому.

Познание – сложный и целостный процесс, который можно представить как единство и взаимодействие индивидуального субъекта (эмпирического Я), социального субъекта (трансцендентального Я) и абсолютного Субъекта (трансцендентного Я).

Тем не менее констатируем, что **познает** не мозг, не психика, не сознание и даже не душа, а **человек** – цельное и целостное духовно-душевно-телесное существо, **личность** во всем многообразии ее социально-культурных определенностей.

7.3. Способности познания

На вопрос, **как** человек познает, нельзя отвечать абстрактно. Всегда надо иметь в виду, **что** именно он познает. На этот счет о. Павел Флоренский писал: «Свойства разума – свойства гибкие и пластические, осуществляемые так или иначе, в зависимости от напряженности жизнедеятельности его. Следовательно, задача гносеолога – не в том, чтобы открыть природу разума *вне* его отношения к какому бы то ни было объекту знания, вне функционирования, ибо задача эта по существу неопределенная, а в том, чтобы узнать: когда, при каких условиях разум делается воистину разумом, когда он имеет высшее свое проявление, – когда он *цветет* и благоухает»³⁷. Действительно, если мы

---

³⁷ Флоренский П. А. Разум и диалектика // Соч.: в 4 т. – М., 1995. – Т. 2. – С. 136.

будем конкретны в этом вопросе, то мы верно определим, **каким образом** человек **познает** тот или иной аспект всеобщей **истины**.

Для наших дальнейших рассуждений необходимо ввести два новых понятия: «способности познания» и «функциональные органы».

Способности познания – это специфические внутренние присущие человеку **каналы постижения истины**. Примерно в таком ключе их понимал И. Кант, введший это понятие в категориальный аппарат гносеологии.

Что касается понятия «функциональные органы», то мы придерживаемся здесь гипотезы А.А. Ухтомского, предположившего, что у человека наряду с морфологическими имеются функциональные органы. «С именем “органа” мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»³⁸. Итак, под **функциональным органом познания** мы будем подразумевать всякую временную концентрацию сил познающего субъекта, обусловленную характером объекта познания.

Взаимоотношения между способностями познания и функциональными органами могут быть представлены как связь между сущностью и явлением. Та или иная способность познания у человека существует всегда, а функциональные органы актуализируются только в момент решения какой-либо задачи.

Чувственность – способность познания объектов внешнего мира на основе деятельности пяти органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. Чувственное познание включает в себя следующие формы: *ощущение, восприятие, представление.* *Ощущение* – это отдельный образ, возникающий в психике человека благодаря деятельности того или иного органа чувств. Так, например, возможны ощущения красного, в меру упруго-

---

³⁸ Цит. по: Зинченко В.П. Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // Человек. – 2000. – № 3. – С. 11.

го, издающего хрустящий звук при сдавливании, ароматно пахнущего и сладкого на вкус. *Восприятие* – это образ предмета в целом. Оно представляет собой как бы комплекс ощущений. Например, мы воспринимаем яблоко как совокупность отмеченных выше ощущений. *Представление* – это образ предмета, извлекаемый из памяти, но непосредственно нами не воспринимаемый.

Сразу оговоримся, что чувственное познание человека никогда не существует в чистом виде. Оно всегда сопровождается мыслью, которой у животных нет. Если мы видим яблоко, то мы понимаем, *что* мы видим. Если же мы воспринимаем неизвестный объект, то всегда задаемся вопросом: а что это такое? И исследуем его. Итак, чувственность как способность познания актуализируется при непосредственном или опосредованном контакте человека с вещным миром. Она невозможна без деятельности органов чувств и всего сложного комплекса нейрофизиологических процессов, протекающих в мозге и центральной нервной системе человека. Чувственность опосредствована мыслью, а значит и словом.

Люди обладают разными способностями чувственного познания по природе или по обстоятельствам. Так, северные народы различают несколько десятков оттенков снега. В их лексиконе имеются соответствующие слова, а объясняется эта способность условиями жизни и важностью снега в их быту и повседневном обиходе. Парфюмер в силу профессиональной необходимости различает малейшие нюансы запахов, а дегустатор – оттенки вкуса вин или других продуктов. Можно утверждать, что человек видит мир таким, каким его понимает, а понимает его так, как умеет с ним обращаться практически. Чувственное познание реализуется в основном за счет деятельности физических или морфологических органов зрения, слуха, осязания и т.д. Однако представление возникает уже на основе деятельности функционального органа сознания – памяти.

Рассудок – это способность познания, призванная «обрабатывать» данные чувственности; он представляет собой низшую ступень рационального (логического) познания, основанную на

оперировании такими формами мысли, как *понятие, суждение и умозаключение*. Их впервые выделил и проанализировал Аристотель – основатель формальной логики. Он же открыл три закона формальной логики: *закон тождества, закон противоречия, закон исключенного третьего*. В XVIII в. Лейбниц присовокупил к ним *закон достаточного основания*.

Способность к логическим рассуждениям и умозаключениям – важная и необходимая составляющая всякого познания. Ее необходимо развивать и совершенствовать. Однако рассудок имеет и свои ограничения. Дело в том, что в мире существуют явления и процессы, находящиеся за порогом чувствительности (например, атомы, элементарные частицы). Недоступна рассудку и сфера трансцендентных истин. Рассудок расчетлив, но не все можно рассчитать и предвидеть. Очень часто рассудочные (расчетливые) люди терпят фиаско не только в познании, но и в жизни. Это происходит именно потому, что рассудок слишком крепко привязан к чувственному миру и не «видит» того, что скрывается за ним. Функциональный орган рассудка (способность разрешать какие-то проблемы) возникает при всяком интеллектуальном напряжении, при появлении перед человеком конкретных мысленных и практических задач.

Разум как способность познания имеет сложную структуру:

- *Душевный разум*, представляющий собой *духовно-практический способ освоения действительности*. Его предметную основу составляют нравственные и эстетические ценности. Деятельность душевного разума проявляется в морально-эстетических оценках и осмыслении соответствующих проблем, возникающих во взаимоотношениях человека с другими людьми, природой и самим собой. Они, как правило, сопровождаются эмоционально-психологическими (душевными) переживаниями разной степени глубины и интенсивности. Душевный разум считается *духовно-практическим* способом освоения действительности потому, что в нем морально-эстетические оценки и мысли воплощаются в соответствующие поступки, затрагивающие подчас интересы других людей,

проникающие в область практических взаимоотношений между ними.

Совесть и эстетический вкус – основные функциональные органы душевного разума. Несмотря на то что их деятельность не сводится только к познавательным актам, гносеологическое значение совести и эстетического вкуса чрезвычайно велико. Человек с нечистой совестью воспринимает себя и других людей в извращенном виде, ложно толкуя их поступки, нравственные проблемы и их решение. Точно так же человек с дурным эстетическим вкусом не способен адекватно оценить и понять красоту в природе, социуме и искусстве. Искажение восприятия и понимания действительности может происходить и из-за гипертрофированности душевных переживаний. Вспомним, например, Ивана Карамазова, который отказался принять мир во всех его противоречиях и тем самым учинил бунт Богу из-за страданий невинных детей. Апостол Павел писал на этот счет: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём *надобно* судить духовно» (1 Кор. 2:14).

- *Духовный разум, в свою очередь, можно разделить на теоретический разум и веру.*

1. *Теоретический разум* в качестве своего предмета имеет *идеи*, посредством которых он *конструирует* новую *идеальную* реальность в виде научной теории или философского учения. Цель последних – постижение мира в целом, отдельных его частей или трансцендентных истин. Теоретический разум представляет собой симбиотический сплав любознательности, эмоциональной впечатлительности, творческого воображения и продуктивного мышления.

Специфика теоретического разума зависит от того, какой объект он исследует. Если он изучает явления природы и технические устройства, то представляет собой более развитую степень рассудка, где интеллектуальное напряже-

ние выступает основным функциональным органом познания. Если он обращен к сфере социально-гуманитарной, то неизбежно будет опираться на душевный разум и вовлекать в свою орбиту нравственный и эстетический опыт. В данном случае функциональный орган будет приобретать комплексный характер, представляя собой синтез интеллектуального напряжения с морально-эстетическими оценками (деятельностью совести и эстетического вкуса). Если теоретический разум философствует, т.е. стремится понять, как устроен мир в целом, то здесь картина еще более усложняется. Религиозно углубленный теоретический разум с необходимостью будет привлекать дары веры. В данном случае функциональный орган теоретического разума будет представлять собой единство сердечного созерцания, актуализированного нравственно-эстетического опыта и, конечно, интеллектуального напряжения.

Теоретический разум, не связанный с религиозной верой, действует, опираясь на рассудок или душевный разум. Он способен создавать теории позитивистского толка, атеистические учения, подобные некоторым версиям экзистенциализма, и т.п. Аналитика разума как сложносоставной способности познания подводит нас к исследованию того, на что он опирается, или, иначе говоря, *во что верит* разум.

2. *Вера* также является особой способностью познания, хотя ее ни в коем случае нельзя свести только к этому значению. В гносеологическом плане вера выступает как достаточно сложный, т.е. многосоставный феномен. Во-первых, она предстает как способность человека *доверяться*. Познание, да и жизнь вообще, невозможны, если мы не будем доверяться показаниям наших органов чувств или не будем доверяться нашим учителям и принимать на веру положения и истины, которые сами не открывали. Конечно, это доверие нельзя доводить до

абсолюта, ибо тогда вообще становится проблематичным развитие познания. Такая вера должна сочетаться с некоторой долей скепсиса, желанием самому проверить какие-то «избитые» истины в науке, технике и т.д. Во-вторых, вера обнаруживает себя как *убежденность* в чем-то и выражается в определенном *волевом настрое* человека. Такая вера выступает мощным стимулом познания и является одной из предпосылок открытий в разных областях познания. Например, вера в реальное существование описанной Гомером Трои действительно позволила немецкому ученому и предпринимателю Г. Шлиману при археологических раскопках обнаружить этот город. Однако и в этом случае нельзя абсолютизировать веру, ибо история знает много примеров убежденности людей в ложных идеях. В-третьих, вера предстает как *сосредоточенность духа на душеспасительной истине*, закрывающей путь ко лжи. В данном случае речь идет о *религиозной вере*, выражающей специфическую способность человека познавать высшие трансцендентные истины в живом религиозном опыте.

Во всех развитых религиозных системах (христианстве, буддизме, исламе, иудаизме, даосизме, индуизме и т.д.) встречаются духовно одаренные люди. Даром духовного созерцания Бога и божественного наделяются в основном праведники и святые. В восточно-христианской традиции разработана теория и практика *умного делания*, благодаря которой духовному зору нравственно совершенного человека открываются высшие истины.

Функциональным органом религиозной веры является *сердце*, а ключом, отворяющим его, – *молитва*. Откровение человеку Божественных истин и его духовное преобразование – взаимообусловленный процесс. Только духовно преображаясь, нравственно совершенствуясь, человек может получить дар откровения. И наоборот, тот, кто пережил такого рода откровение, неизбежно духовно преображается. Об этом свидетельствуют жития всех

святых. Однако постижение высших трансцендентных истин – дело чрезвычайно сложное и, быть может, даже опасное. Не случайно в буддистских и даосских монастырях к каждому ученику приставляется учитель-гуру. Аналогичная практика существовала и существует в православном старчестве. Прежде чем стать старцем, монах должен под духовным водительством старшего наставника пройти разного рода испытания, связанные с преодолением гордыни и обретением смирения. Всякий иной путь постижения трансцендентных истин чреват прельщением человека демоническими силами, которое оборачивается физическими болезнями, духовным помрачением и преждевременной смертью. Даром откровения всегда наделялись немногие люди, однако их значение во все времена было очень велико.

Подчеркнем, что все упомянутые выше способности познания не существуют сами по себе. В каждом человеке они своеобразно комбинируются. Отсюда такое многообразие познавательных талантов у людей. Это *несходство*, разнообразие познавательных даров как бы свидетельствует о том, что только в *единстве*, общими усилиями люди могут *познать истину*.

7.4. Познание и его виды

Познание – очень сложный процесс не только в технологическом, но и в структурном аспекте. Можно выделить несколько основных **видов познания**, которые в совокупности дают максимально полное знание мира, истории и человека.

Обыденное познание – это познание, которое осуществляется в рамках повседневной жизни людей. Обыденные знания непосредственно **интегрированы в практическую жизнь человека** (рецепт приготовления блюда, нормы общежития, знание местности, правил дорожного движения и т.п.). Обычно эти знания передаются от поколения к поколению, от одних людей

другим при непосредственном общении. Обыденные знания *не систематизированы*, они представляют собой противоречивый конгломерат самых разнообразных сведений, которые актуализируются в каких-то конкретных ситуациях. В силу этого они *ситуативны*.

Основа обыденного познания – **здоровый смысл**, который в содержательном и функциональном плане двойственен. Благодаря глубокой связи здравого смысла с чувственным опытом он может служить надежной основой для практической деятельности людей и в то же время нередко продуцирует предрассудки и «обслуживает» человеческие суеверия. Здравый смысл хорош в четырех стенах домашнего обихода, и он же уподобляется сломанному компасу, когда познающий человек пытается при помощи него постигнуть глубокие закономерности мироздания. История науки показывает, что новые открытия практически всегда попирали исторически сложившийся здравый смысл той или иной эпохи. В обыденном познании закладываются основы научного познания, философского и художественного освоения мира.

Научное познание часто называют **позитивным познанием**, имея в виду, что его объектом служит та часть объективной реальности, которая открыта чувственному миру непосредственно или посредством различных приборов: природа, внешний пласт общественных и культурных процессов. Основу науки составляет **рациональное познание**, выраженное в **понятиях, суждениях, умозаключениях, принципах, идеях, законах**, обладающих свойствами **общезначимости и логической необходимости**.

Художественное познание осуществляется в сфере искусства. Художественное познание – это познание мира и человека посредством **образов и символов**. Читая роман или повесть, смотря игровое кино, мы имеем возможность постижения различных эпох и культур, потому что читатель и зритель всегда идентифицирует себя с персонажами художественных произведений, он превращается в непосредственного участника изображаемых событий. Отличительную особенность художественных образов и символов составляет их многозначность. Чем талант-

ливее то или иное художественное произведение, тем более многозначны его образы, тем более многомерно его смысловое содержание. Благодаря этому оно остается вечно актуальным в культуре, превращается в классическое наследие человечества. Каждая эпоха дает свое прочтение, толкование мировой классики.

Мифологическое познание – это познание мира сквозь призму конкретных мифов. Миф не есть легенда или предание. Он существовал, существует и будет существовать, пока живы человек и человечество. Миф, по определению А.Ф. Лосева, есть «развернутое магическое имя»³⁹. Он имеет непосредственное отношение к какому-либо социуму, социальной группе или отдельной личности. В силу этого мифы могут быть национально-культурными (национально-государственными), профессиональными и личностными.

Национально-государственные мифы, как правило, националистичны. Россия просуществовала свыше тысячи лет, культивируя миф о «Святой Руси», который не только помогал русским выживать в условиях внешней агрессии и внутренних раздоров, но и был способом их самосознания и самопознания. Драма и кризис современной России заключаются в первую очередь в том, что здесь оказался утраченным адекватный национально-культурный (национально-государственный) миф.

Каждый человек познает мир, других людей сквозь призму своего профессионального и личностного мифа. Например, врач неизбежно будет обращать внимание на признаки здоровья или болезни в своем собеседнике. Мифологическое познание, будучи личностно и культурно детерминированным, в свою очередь, само оказывает воздействие на личностное и культурное развитие людей и народов. В этом плане мифологическое познание занимает центральное положение среди других видов познания, ибо последние группируются вокруг него.

Мифологическое познание зиждется, как на фундаменте, на определенной религиозной традиции. По определению А.Ф. Ло-

---

³⁹ Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М., 1994. – С. 217.

сева, «абсолютная мифология, следовательно, всегда есть религия в смысле Церкви»⁴⁰. Здесь уместно привести определение Церкви, данное А.С. Хомяковым: «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но *единство Божьей благодати*, живущей во множестве разумных творений, *покоряющихся благодати*. Дается же благодать и непокорным, и не пользующимся ею (зарывающим талант), но они не в Церкви»⁴¹ (курсив наш. – В. С., О. С.). Церковь свята и истинна. Все ложное, возникающее в ее лоне, перестает быть Церковью.

Религиозное познание. Высшей формой религиозного познания является **откровение** – особый вид познания, доступный для сравнительно небольшого числа духовно одаренных людей – подвижников веры. Религиозное откровение, согласно Церковным представлениям, есть непосредственное созерцание религиозным подвижником сверхчувственной реальности. В качестве художественного изображения религиозного откровения может послужить знаменитое стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», персонажу которого как раз открылась сверхчувственная реальность:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье⁴².

Религиозное откровение переживали ветхозаветные пророки (например, Исайя, Даниил), Иоанн Предтеча, предсказавший приход Иисуса Христа, апостолы – первые ученики Христа, святые католической и православной церкви, оптинские старцы, пророк Мухаммад, основатель религии Ислама, и т.д. Отличительная особенность религиозного откровения заключается в том, что его невозможно адекватно передать посредством че-

---

⁴⁰ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 590.

⁴¹ Хомяков А. С. Церковь одна // Соч. : в 2 т. – М., 1994. – Т. 2. – С. 5.

⁴² Пушкин А. С. Пророк // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1974. – Т. 2. – С. 82.

ловеческих представлений. Человеческий язык онтологически (а не лексически) беден, чтобы точно и глубоко воспроизвести картины сверхчувственной реальности. Вот почему священные книги, полученные в результате откровения, написаны в символически-образной форме и нуждаются в толковании.

Религиозное откровение закрепляется в виде особых положений – **догматов**, в которых отображаются основные представления религиозных систем о Боге, мире и человеке. В христианской традиции догматы утверждались на вселенских соборах на основе коллективного опыта иерархов Церкви и Святых Отцов. Религиозная вера основывается на незыблемости догматов, составляющих основу вероучения любой религии. Без догматов нет религии и религиозного познания. Сквозь призму этих догматов воспринимается и оценивается мир, человек, история.

Сердцевину религиозного познания составляет вопрос о спасении человека как личности. Паисий Святогорец – новогреческий старец и афонский монах – утверждал, что те, кто не хочет спастись, не понимают⁴³. Смысл этих слов состоит в том, что тот, кто хочет спастись, осознает падшесть своей природы, осознает свои грехи, кается в них, исповедуется, стремится иметь чистое сердце, которому и открываются высшие истины («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8)). Такой человек понимает и себя самого, и других людей, и мир, в котором он живет, потому что ему открывается Божественная мудрость. Он живет в традиции, хранильнице Божественной истины. Тот же, кто не желает спастись, не совершенствуется духовно, в силу этого живет во мраке неведения. Он пребывает в гордыне, поскольку ему кажется, что он и так все знает и понимает.

Вследствие существования в мире множества религиозных систем (мировых или национальных религий), каждая культура и цивилизация, в основе которой лежит та или иная религия, имеет свои особенности в восприятии, понимании и объяснении мира, истории, человека и т.д.

---

⁴³ Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Т. 2: Духовное пробуждение. – М., 2004. – С. 290.

Философское познание не поддается однозначной трактовке, потому что формально может сочетать признаки научного, художественного, религиозного и других видов познания. Отличительную особенность философского знания составляет то, что **философия есть мысль о мысли**. Из этого обстоятельства вытекают два важнейших следствия. Во-первых, философское познание – это **рефлексия**, т.е. осмысление предельных оснований всего сущего: бытия, культуры, истории, человеческой жизни – с позиции высокой отстраненности (это как бы взгляд со стороны). Во-вторых, философия – это всегда **диалог** мыслителей друг с другом. Поэтому философские знания, учения никогда не устаревают, остаются вечно актуальными в культуре. Диалог мыслителей, соотнесение различных философских позиций стимулирует творческое развитие философского познания. Философское знание – это **целостное и ценностное знание**, потому что философия пытается постичь мир в целом и в ней очень выражен субъективно-личностный момент. Каждый философ пытается дать свое уникальное понимание и оценку мира и человека. Поэтому мы не ошибемся, если скажем: сколько существует философов, столько и философий.

Таковы основные виды познания, каждый из которых обладает своей спецификой, своими достоинствами и ограничениями. Однако только в единстве эти виды познания позволяют человеку познать мир и самого себя и помогают его гармоничному развитию. Ценность познания тем выше, чем более достоверными являются знания, совершенствующие и человека, и окружающий его мир.

7.5. Учение об истине. Критерии истины

Одной из центральных проблем гносеологии является проблема **истины**. Понятие истины характеризует **качество знания**. Вопрос об истинности знания нельзя рассматривать абстрактно, потому что в каждом конкретном виде познания истина выступает в своем специфическом преломлении. Столь же

специфичными предстают и критерии истинности, т.е. мерила, способы определения достоверности того или иного знания. Но как мы хотя бы предварительно определим понятие истины? *Истина*, согласно этимологии этого слова в русском языке это *то, что есть*. Следовательно, вопрос об истинности того или иного вида знания – это вопрос о том, как оно соотносится с тем, что *есть* в действительности.

Если вспомнить об открытии феноменологией интенциональности познания, то можно смело утверждать, что всякое познание имеет дело не столько с реальным предметом как чем-то целостным, сколько с интенциональным предметом, т.е. либо частью, либо каким-то срезом этого реального предмета. Так, дерево, растущее во дворе, интересуется домашнюю хозяйку как стойка, к которой она привязывает бельевую веревку; поэт или художник могут воспринимать это же дерево как эстетический объект; ученый-ботаник – как объект научного исследования, философ – как метафору научного познания («древо познания») и т.д. Словом, когда мы рассматриваем проблему истинности знания применительно к разным видам познания, мы должны иметь в виду эту ее частичность или «аспектность».

В **обыденном познании** истинность знания и его критерии фактически совпадают и сводятся к **полезности** и **целесообразности**. Те знания, которые в повседневной жизни дают человеку практическую пользу, удовлетворяют его насущные потребности, не требуя взамен больших затрат интеллектуальной или физической энергии, квалифицируются как **правильные**. Если блюдо, приготовленное домашней хозяйкой, приятно на вкус, полезно для организма и достаточно калорийно, чтобы не испытывать голода в течение более или менее продолжительного времени после его употребления, то ни у кого не возникает вопроса о правильности рецепта или качестве продуктов, из которых оно приготовлено. Для обыденного познания более подходящей является *прагматическая концепция истины*, разработанная, в частности, в американском прагматизме.

Истина в науке понимается как **соответствие позитивных знаний действительности**. Критериями истинности научного

знания являются: логический (поиск логических противоречий и ошибок), эксперимент (проверка истинности той или иной теории на локальном уровне), моделирование (создание масштабных моделей и математических моделей реальных объектов) и, наконец, **практика**. Под практикой понимается **целенаправленная материально-преобразовательная деятельность общественного субъекта**. Практика – не случайный акт единичного человека, а необходимый, повторяющийся процесс использования знаний обществом в целом.

Практика является одновременно и абсолютным, и относительным критерием истинности знаний. *Абсолютность* критерия практики заключается в том, что *только она может окончательно подтвердить или опровергнуть* истинность тех или иных знаний. Подтверждением теории электричества является использование электричества в быту и на производстве. В то же время практика есть *относительный критерий истинности*, потому что *не все знания могут быть проверены на практике*. Например, невозможно проверить на практике гипотезы о происхождении Вселенной.

Таким образом, для научного познания наиболее подходящими концепциями истины могут быть *когерентная* и *праксиологическая*. Думается, что в связи с усложнением процессов научного познания и их результатов, в целях определения истинности тех или иных гипотез и теорий, доктринальных положений и выводов необходимы процедуры **верификации** и **фальсификации**, предложенные в свое время Р. Карнапом и К. Поппером соответственно. Учитывая тот факт, что существуют науки естественные, технические, социальные и гуманитарные, проблема истинности соответствующих знаний и их критериев должна еще более детализироваться и уточняться.

В **художественном познании** проблема истины предстает как вопрос о **правде** искусства. Правдивость того или иного художественного произведения определяется не только тем, насколько достоверно и объективно художник изобразил жизнь, но и тем, какое воздействие произведение оказывает на читателя, зрителя и слушателя. Если последние переживают **катар-**

сис (очищение), то этот факт служит важным признаком художественной ценности и правдивости того или иного произведения искусства. Искусство, которое не возвышает человека, не пробуждает в нем благородных чувств, а, напротив, разжигает в нем низменные страсти, духовно питается из темного источника. Свет истины не проникает в него. Некоторые выдающиеся творения настолько опережали свою эпоху, что их по достоинству смогли оценить только последующие поколения любителей искусства. *Экзистенциальная концепция истинности* является наиболее адекватной для художественного познания.

В **мифологическом познании** истина предстает как **конструктивность** того или иного **мифа**. Чтобы выявилась конструктивность или деструктивность мифа, необходимо достаточно большое время, исчисляемое нередко десятками лет. Например, советский миф, который объединял множество народов Советского Союза, на определенном этапе исторического развития играл положительную роль: в стране в очень сжатые сроки была проведена индустриализация, сельское хозяйство поставлено на промышленную основу, одержана победа в Великой Отечественной войне, быстро восстановлено народное хозяйство после войны, достигнуты значительные успехи в области науки, культуры, образования и т.д. Однако миф о преимуществе социализма и идеологические клише, сквозь призму которых воспринимался мир, многие процессы внутри и за пределами СССР и социалистического лагеря, неизбежно привели к застойным явлениям в различных областях общественной жизни, вызвали разочарование у значительной части населения и в итоге подготовили распад СССР и социалистического содружества. Прямым результатом этого стал глубокий ценностный кризис, который переживает современная Россия. Когда же наша страна имела конструктивный миф о себе самой как о Святой Руси, хранительнице религиозной истины и духовном центре мира, Россия существовала не одно столетие, развивала и укрепляла свою государственность, культуру и строила продуктивные отношения с другими странами. Вероятно, мифологическому познанию более всего соответствует *конвенциональ-*

ная концепция истины. Это относится и к личностному мифу, который возможен только при согласии человека с самим собой в случае убежденности его в своей правоте, а также при условии, что его не отвергают другие люди (которые, к сожалению, могут быть и тенденциозны).

Вопрос об истине в **религиозном познании** формулируется как проблема **истинной веры**. Надо сказать, что эта проблема является очень сложной в теоретическом плане и необычайно острой и болезненной в практическом смысле, ибо она затрагивает религиозные чувства людей, принадлежащих к разным конфессиям. Интересное решение этой проблемы предложил в свое время известный философ, психолог и культуролог К.-Г. Юнг, который полагал, что **нет истинной и ложной веры, а есть своя и чужая вера**. То есть для каждого народа своя вера является истинной. Такой подход исключает конфронтацию конфессий и создает атмосферу взаимного уважения верующих. Поскольку всякая религия есть фундамент той или иной культуры, вопрос об истинности веры по сути своей – это вопрос о жизнеспособности той или иной культуры. В религиозной жизни нет другого пути, кроме пути верности своей духовной традиции.

Весьма трудной задачей является определение **философской истины** и ее критериев. Постановка вопроса о том, кто из великих философов создал истинную философию, нелепа и бесперспективна. В философии более ценится оригинальность **мировоззрения**, представленного тем или иным мыслителем. В нем очень значим субъективно-личностный компонент и духовно-ценностная позиция философа. Только оригинальная и глубокая (выходящая из глубины личности) мысль способна вызвать отклик, создать возможность диалога. Философия – это **мысль, рождающая новую мысль**. Вот почему сохранение и поддержание диалога мыслителей, сосуществование в культуре разных философских традиций и школ есть необходимое условие свободного творческого поиска истины. Стоит только прерваться равноправному диалогу мыслителей, как сразу прекратится процесс свободного философского творчества, а сама

философия *идеологизируется*, теряет автономность и станет пособницей определенных политических режимов и, по существу, изменит самой себе. Причем идеологизация философии, как правило, сопровождается ее притязаниями на научность и абсолютную истинность. Так произошло в советское время с марксизмом. Всякие попытки проверять истинность философских теорий подобно научным на практике губительны и бесперспективны, ибо их цена слишком высока – миллионы человеческих жизней. Чтобы убедиться, насколько истинными или ложными были те или иные философские идеи, порой требуется достаточно продолжительное *историческое время*, необходимое для определения верности или ошибочности теоретических положений и прогнозов на будущее, в них содержащихся.

Итак, в отдельности каждый вид познания дает нам, в сущности, интенциональный предмет, и истина в данном случае касается именно интенционального, а не реального предмета. Если же сложить воедино все виды познания, то они в совокупности будут приближены именно к реальному предмету. В таком случае знание, по сути дела, будет как бы интегрировано в само бытие. В то же время надо хорошо понимать, что истина не есть все, что есть, как мы говорили в начале этого раздела. Истина есть характеристика чего-то целого, а целое не сводится ко всему.

Обзор модификаций истины и ее критериев в разных видах познания ставит проблему поиска универсального критерия истины и универсального понятия истины. С нашей точки зрения, **общим** для всех видов познания критерием истины является **жизнь**, понимаемая в самом широком смысле этого слова: как жизнь природы, общества (человечества) и отдельного человека. Истинно всякое знание, которое поддерживает и укрепляет жизнь природы, социума и личности. Но жизнь есть нечто цельное (имеющее смысл) и целостное, следовательно, и знания, которые поддерживают жизнь, должны быть цельными и целостными. Это значит, что только в единстве всех видов познания достигается цельность и целостность знания. Всякая односторонность в по-

знании, гипертрофия одних видов познания в ущерб другим обесмысливается, нарушает эту целостность и противоречит критерию жизни. Религиозный фанатизм Средних веков или упование на науку в XX столетии привели человечество к страшным трагедиям. Нельзя считать истинной (не в научном смысле, а в универсальном) теорию атома, если она обернулась жертвами атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По словам Вл. Соловьева, истина есть **всеединное сущее**, а всякое частное бытие, явление или знание, отдельное от него, не есть истина. Таким образом, **Истина – это Жизнь**, которая является началом и смыслом всего сущего. Истина – это Божественный Логос: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). Всякое частное знание, связанное с ним, истинно, оторванное от него, – есть ложь или заблуждение. Следовательно, Истина в ее универсальном значении *онтологична*.

Анализ гносеологических проблем, понимание того, что есть знание, познание и то, каким образом человек познает мир, открывает перед нами возможность более осмысленно ставить вопрос о познании мира, человека, культуры, общества и истории. Рассмотрев основные проблемы теории познания, мы можем приступить к знакомству с другими разделами философского знания.

Литература

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М., 1988.
2. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. – М., 1990.
4. Миронов В. В. Онтология и теория познания / В.В. Миронов, А.В. Иванов. – М., 2005.
5. Современные теории познания: сб. обзоров и рефератов. – М., 1992.
6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.
7. Ярвилехто Т. Мозг и психика. – М., 1992.